

Пелагея Лисова

ПАГЕРЬ

История, которая началась полтора века назад,
нашла новых героев.

Пелагея Лисова

Лагерь

<https://litres.ru/74262592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лёша приезжает в лагерь, чтобы начать новую жизнь, но лес за воротами знает о нём больше, чем должен. Зброшенные места, старые легенды и необъяснимые совпадения приводят его к тайне, где прошлое начинает вмешиваться в жизни тех, кто пытается его разгадать.

Чем глубже Лёша пытается понять происходящее, тем яснее становится: за каждым чудовищем стоит человеческая трагедия.

Чтобы не дать прошлому повториться, Лёше придётся раскрыть чужие тайны и столкнуться с тем, что старая история выбрала новых героев не случайно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пелагея Лисова

Лагерь

Глава 1

НОВАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Худощавый и вытянутый, как часто случается с подростками, он обтер потный лоб футболкой и поставил ногу поверх обломков крыльца. Леша впервые сбежал так далеко за ворота. Километра три-четыре от лагеря, по бездорожью в самое сердце чащи. И с трудом представлял, как вернется обратно. Где-то на втором километре просвет между еловыми лапами сузился до вертикального зрачка, и тот наблюдал за путником, как озлобленная рысь. Обломки сучьев, разбросанные тут и там перемежались с вывернутыми корнями, торчащими над высокой травой, как освежеванные ребра гигантского зверя. А справа и слева, и спереди до линии горизонта простирался лес. Где-то там, знал Леша, пролегло шоссе. Еще месяц назад они с отцом прибыли по этой дороге из Домодедово, а восемь часов раньше — из Екатеринбурга. Сейчас и старая школа, и квартира родителей, и мать со своими глупыми советами казались приветом из мира снов. Леша перепрыгнул через гнилушки, на месте которых когда-то стояло крыльцо, и проник в заброшенный дом.

В нос ударил запах сырой земли и ледяного погребца.

Вдоль позвоночника пробежала вереница колючих мурашек, и ноздри защипало до боли и резко, как от пощечин снежного вихря. Чихнув несколько раз кряду, Леша натянул на нос и без того растянутую горловину, так, что эмблема лагеря подползла к подбородку. А потом с неподдельным любопытством покрутился по сторонам.

Здесь было мало толковых приспособлений. Да и жизнь остановилась лет сто назад. Под ногами влажно чавкал земляной пол, и через рваные расщелины ветхой крыши просачивались капли недавнего ливня. Холодная капля упала на загорелую, распаренную от солнцепека коленку; Леша вздрогнул, круто развернулся и больно ударился об угол глиняной печи.

— Блин, сволочь какая!

Он быстро растер ушиб, повозил рукой по шестку. Пыль, застелившая печь меховым покрывалом, взметнулась, закружилась спиралью и — пух — растворилась в пробоинах потолка. Заброшенный дом среди леса вернулся в свой первоначальный вид.

Было здесь что-то *не то*. Неправильное, нечеловеческое, сверх стандартного набора любителей поглазеть на заброшенность. Что-то будто витало под крышей и пульсировало в утробе разрухи, как поджидающий жертву паук.

— Да уж, ну и хибара, — сказал Леша нарочито громко. Он заглянул в проем, которому сразу дал привычное слуху

название «арка» (очень похоже, что двери хозяевам не по карману, на входе тоже встречал проем без петель). Но так и застыл у печи. Арка вела в небольшую комнату.

Казалось, углы скалятся хищными ртами и, стоит только на секунду ослабить бдительность, голодные твари вонзятся в шею. Знакомое чувство Он с явной опаской глянул на кровать с полосатым матрасом — единственное, что видно отсюда. Кроме неизвестной науке гадости прямо у входа в комнату. То ли коврик такой самодельный, то ли кто-то отважился зайти за порог? Затем машинально пригнулся к порогу, прищурился. А после расхохотался и укоризненно цокнул языком. Ну и трус ты, Леха! Обделался? И чего только в голову не взбредет.

Интересно, кто тут жил?

И когда?..

Полосатые матрасы Леша видел только в фильмах про пионерлагеря. Но на лагерь место это не смахивало.

Никаких типичных граффити вроде «Вася — лох» или «Здесь была Лера». И окна совсем без стекла. Не битые, как на многих заброшках, а именно голые. Словно бывший жилец не слышал о существовании стекол. Либо нарочно их вырезал. Но зачем?

Еще снаружи, сделав из интереса два круга вокруг хижины, Леша приметил вдоль рамы бурые пятна. Все разной формы — от булавоочной головки до пятирублевой монеты, они растекались блеклыми струями. Точь-в-точь, как на ра-

ковине, когда отмываешь кисть от гуаши. Он подумал тогда, что это от гниения дерева, и вообще, природа порой вытворяет хлеще именитых художников. Но сейчас с тревогой задумался, что именно так может выглядеть кровь.

Как на беду, вчера вечером местный сторож пересказывал новой вожатой легенду. Мол, места здесь гиблые, и сначала, говорил сторож, здешние активно протестовали против застройки лагеря. Но местная администрация не обратила внимания на старики-закорючки, и бедных сельчан вместе со всеми бумажками отправили по известному адресу.

Местные, конечно, доказывали, что после Революции в этих краях каждый год находили по десять-двадцать трупов. И у всех то следы от веревки на шее, то голова размозжена камнем, а порой — и головы не сыскать, начисто топором отрублена. Вдобавок, подсчеты основывались исключительно на местной легенде, которая передались от покойных родителей, а тем — от почивших сплетниц, что подрывало статистику. Да, здесь и вправду случались убийства. А где их нет? В столице так вообще каждый год до ста доходит. Что же теперь — не строиться? Поэтому главный в администрации только пальцем у виска покрутил. А когда старики заикнулись привлечь телевидение, — им пригрозили штрафом за вмешательство в работу полиции. А будут настаивать — за клевету привлекут. Поэтому прикусить бы вам, пуганные, язык от греха подальше.

Леша почесал затылок и криво усмехнулся в лицо навяз-

чивым страхам. Может, правда, напутал сторож от старости? Откуда, скажите на милость, взяться такому количеству жертв, если домов в ближайшей округе от силы сорок, а остальные деревни и села как минимум за десятки километров? Хотя, черт его знает. Грибники, охотники, геодезисты, туристы с палатками, случайные путники...

Сердце нервно вздрогнуло.

Не могли же здесь кого-то на самом деле убить?

Леша вынул телефон из кармана, включил камеру. Но со съемкой не торопился. Что-то мучило, как застрявшая в горле кость.

— Так, ладно, я захожу, — снова заговорил он, и снова делано смелые заявления разбились о тишину. Леша вальяжно расправил плечи, хрустнул пальцами, предупреждая невидимых врагов о полной боевой готовности. И переступил через засаленный половик.

Он очутился в комнате.

Справа от кровати упирался в потолок старый шкаф. Слева, через пустую клеть рамы открывался вид на солнечную, налитую июльским зноем, поляну. Отдельные ссохшиеся нити травы сгибались к земле желтыми крюками, над ними рябили изумрудными волнами приземистые кустарники, а с высоты слепящих лучей ели в лохматых платях покровительственно оглядывали свои широкие владения. Где-то вдалеке вдруг пронзительно вскрикнула птица. Леша вздрогнул и крепко сжал телефон.

Внимание вновь сосредоточилось на шкафе.

Было в его простоте что-то от безвременно ушедших эпох. Что-то из музея дореволюционного быта. По краям тяжелых, каштановых дверей тянулась толстая коса с завитушками, а из узкого короба выпячивались какие-то наспех накиданные коробки, из-за чего правая створка приоткрывалась почти наполовину. Шкаф был пустым. Ни перекадин, ни полук, ни вешалок. Ничего, что оставило след про бывших хозяев.

С недобрый предчувствием Леша взглянул на пестрые ребра коробок. Заключение про себя, что в хламе найдется зацепка. А после повернулся к противоположной стене. Вот он — венец коллекции. Старинный стол. Допотопный, громоздкий, сплошной монолит из дуба. Когда-то такой наверняка был пискмоды, однако сейчас напоминал балерину на костылях. Держался он на трех ногах, по форме — точь-в-точь перевернутые шахматные «слоны», а вместо четвертой ноги равновесие поддерживала башня из картонных коробок. ЭлДжи, Тошиба, Ксерокс...

На лакированной столешнице лоснились два жирных, протертых пятна. Будто сюда приходили годами, чтобы оставить свой след. Зачем?

— Зачем? — повторил Леша вслух, не теряя нарочитой громкости. Эти вещи определенно стоили того, чтобы вернуться сюда с компанией и пошарить в закромах. Не выпуская из рук телефон с включенной камерой, он поднял глаза и инстинктивно отскочил к кровати.

Господи, что это?!

Нет, он сразу заметил зеркало на уровне собственной груди, но собирался подступить позже, чтобы распробовать деликатес. Но то, что показывало отражение подселило смутный, даже животный страх. Ощущение неправильности ожило в тройном объеме. Леша приподнял голову, посмотрел на отражение исподлобья, чтобы по возможности опустить глаза, если увиденное начнет брать над ним верх.

Тот человек из зеркала смотрел, не моргая, в упор.

На отдалении метровой столешницы, в колодце с чернеющими трещинами, возник молодой старик. Леша не сразу понял, что это он сам. Он поморгал. Протер тяжелые веки. И ущипнул себя за руку. Словно отгонял дурной сон. А когда снова открыл глаза — испуганно отступил и замер. Это и правда походило на сон.

Не мог же он... Да ну, стекло просто старое. Показывает всякую дрянь. Он еще раз взглянул в глаза тому старику. Из ярко-синих они превратились в акварельные голубые, сильно разбавленные водой. Светлая, вечно падающая на лоб взъерошенная челка стала землистой, а выбритые виски и вовсе засыпало пеплом.

Противный осадок, который родился над треснутой крышей, будто обрел железное тело. Он вдруг почувствовал, как исчезает весь воздух, и земля плывет под ногами. Кое-как оторвавшись от зеркала, Леша вновь отошел к кровати. Испуганный взгляд перекинулся вверх. К крохотной полке над

аркой.

Черт знает, возникла полка стихийно, когда обвалилось что-то более важное или кто-то нарочно приладил дощечку. В ряд, как матрешки, от самой большой до той, что размером с ладонь, здесь размещались иконы. Имен и заслуг святых (на этих иконах почему-то все женщины) Леша не знал. Религия, церковь, иконы... Его никогда не влекло разбираться в этих вещах. В храм калачом не заманишь. Он был там, наверное, дважды. И оба раза — на отпевании.

Не время думать об этом.

Пожалуй, пора вернуться к печи.

Нужна передышка. Уж слишком потряс тот старик.

Конечно, кто-то когда-то жил в этом доме, а потом скончался от старости или болезни. Такое случается. Всегда и со всеми. Это просто обычный дом. Плевать, что хозяин мертв. Ведь он тоже был человеком, как миллиарды других. Наверное, в округе десятки заброшенных изб, и все снесут не сегодня-завтра в пользу элитных коттеджей.

Леша прислонился к стылой печной стене, прислушался к организму. Вроде, нормально. Вернее, полный порядок. И чего так проняло, в самом деле?

Впервые за долгое время он ощутил острую потребность с кем-нибудь поговорить и избавиться от кошек, скребущих до зуда в груди. Последний раз такое чувство накатывало весной, на похоронах. Как будто застрял в фильме ужасов, и вот-вот проснешься, сладко потянешься в кровати, выйдешь

на кухню к маминым блинам и папиной газете, дурацким вопросам младшей сестры и ее вечно сползающим колготкам. Но чем дольше находишься в мерзком сне — тем отчетливее сваливается на голову реальность: как прежде уже не будет. Никогда.

Жаль, но единственное, что остается — найти свободные уши и перемалывать в них из пустого в порожнее.

Рука потянулась к карманам, набитым всякой белибердой, от солнечных очков до ключей от комнаты. Нужно обязательно сфотографировать доказательства. Иначе ребята убьют. Или, что хуже, на смех поднимут. Ну, где же он, черт поberi!

Сжимая в руке телефон, Леша хлопал по шортам.

— Вот я дурак, — сказал он себе под нос.

Похоже, сначала логичнее выйти во двор. Щелкнуть серию кадров. В профиль, в анфас. Потом окна. Пятна, что похожи на кровь. Пусть друзья разбираются сами, кровь это, краска или клюквенный сок.

Он, как и задумал, прыгнул на землю и выбежал в центр опушки (отсюда ракурс удачней). Но тут тоже ждала неудача. Не успел занять удобное место для съемки, телефон подал тихий сигнал. Включите зарядное. Батарея почти разряжена. На экране вспыхнула белая надпись, а после, свернувшись в мелкую точку, исчезла, и в черном стекле Леша видел лишь свой нахмуренный лоб.

— Черт! — прошипел он сквозь зубы.

Нужно бежать как можно скорее. Еще пару часов и стемнеет, а учиться экстремальному выживанию совсем не входило в планы.

Перед глазами вдруг детально прорисовался маленький, наглухо забитый гроб и кричащая до хрипа ворона на растрепанной ветром березе. Двое с лопатами подошли к свежевырытой яме. Вонзили лопаты до черенка грубой подошвой сапог. Земля полетела вниз с глухим шлепком. Пронзительно закричала женщина.

Леша зажмурился. Так сильно, будто хотел выдавить глазные яблоки.

Он в спешке оглянулся на дом и заскочил туда напоследок, словно верил, что за эти пару минут с неба свалилось какое-то чудо. Но ни в комнате, ни в сенях, не обнаружилось ничего, кроме стремительно густеющей, душной темноты.

Леша Артемьев машинально махнул заброшенному дому и пошел по примятой траве. Где-то вдалеке отчетливо прогремел торжественный залп.

Значит, около половины девятого...

Еще до того, как он сбежал с сегодняшнего соревнования, где старшеклассники боролись за поездку в Москву, всем командам дали указания. Кровь из носа вернуться до предупредительного залпа. Иначе из-за одной блудной овцы дисквалифицируют всю команду.

В Москву он особо не стремился. Был раза два, скучно. Но были вещи куда важнее приза: как выбраться из леса без

навигатора и как оправдаться перед командой?

Вот задача со звездочкой.

Леша попробовал включить телефон. Безрезультатно. В сердцах чертыхнулся, засобиравшись обратно в еловый лаз, откуда как раз выходил часом раньше. Как вдруг что-то противно чавкнуло за углом хижины.

Застыв посреди поляны, он таращился за угол дома, откуда все четче и четче раздавалось чавканье. Бежать бесполезно. До лаза уже не успеет. А если там бешеный пес или волк, не дай бог, то лучше вообще не дергаться. Так говорили на ОБЖ. Или там говорили, что главное — не смотреть в глаза зверю, а бежать нужно, как раз, без оглядки?

Тупая, дырявая голова!

Нет, похоже, сохранять спокойствие — как раз то, что требуется в такой ситуации. Но учителя не дали советов на случай встречи с маньяком. И внутренний голос подсказывал, что лучшая защита — это нападение.

Леша попятился к елям и сгреб в охапку грязные шишки. Чавканье в ту же секунду смолкло.

Из-за хижины показался невысокий девичий силуэт.

Густая коса наполовину расплелась, и ветер бережно трепал прямые, черные пряди, переброшенные на высокую грудь. Узкие бедра и тощие, почти прозрачные руки, были спрятаны под облегающим платьем, спускающимся к щиколоткам вялым колоколом. А босые ступни месили грязь, пока незнакомка, не боясь луж и простуд, пробиралась к крыль-

цу.

Леша изумленно глазел на девчонку. В ее руках не было ни ножа, ни топора, ни прочих смертельных вещей, которые рисовало бурное воображение. И на опасную преступницу она не смахивала. Однако он всё так же стоял под гул тарахтящего сердца и, проглотив язык, пялился в сторону дома. Девушка подняла голову, и взгляды пересеклись.

— Привет, — пробормотал он спустя пару секунд.

Незнакомка вскинула широкие черные брови и удивленно ответила:

— Добрый день, путник.

У нее был сиплый, сорванный голос. Он никогда не слышал, чтобы люди разговаривали подобным образом. Разве что в фильмах, со специальной обработкой звука. Но спрашивать у незнакомого человека, что да как, показалось верхом нахальства. Поэтому Леша проглотил глупый вопрос и снова взглянул на незнакомку.

— Ты не из наших. Местная, что ли?

— Угу, — сказала она, медленно приближаясь к лагу. Он только сейчас осознал, что до сих пор сжимает грязные шишки и как можно незаметнее бросил «оружие» за спину. Девчонка с сомнением посмотрела на его руки, чумазые от локтя до кончиков пальцев. — С какой стороны путь держишь?

— Из лагеря, — Леша попятился. — Нового. То еще место. Слышала, открылся недавно?

— Слышала.

— Вообще-то, это что-то вроде пансиона или интерната. Мы тут всё лето на каникулах, а потом учимся до мая.

— Как путь к избе сыскал? — словно не слыша, допытывалась новая знакомая.

— Э-э-э, случайно. Вожатые... А мне надоело... В общем, забудь.

Она стояла совсем близко, ближе вытянутой руки.

Бледная, в синяках и разводах, словно высеченная из голубого мрамора. Лицо ее было упрямое и гордое, с полными, капризными губами и слегка вздернутым носом, что в совокупности придавало внешности некую кукольность. Убрать синяки — и ничего такая девчонка, подумал Леша и впервые с момента встречи заглянул ей в глаза.

Чувство неправильности, нелогичности заворчалось в груди как голодный питон.

Он увидел широкие зрачки и узкую кайму мутных, грязно-голубых ореолов, еле различимых на фоне белков. Пошатнулся и сделал шаг назад, чтобы удостовериться: зрение не подводит, *такие* глаза действительно существуют в природе, и еле заставил себя перестать таращиться.

— Прости, — вырвалось смущенно. — Задумался. Так ты, говоришь, местная? А живешь где?

— Тут, — просто сказала девушка, подобрав подол платья. Ниже колена ветхая юбка светилась, как марля. Так и не определившись, что смутило сильнее — одежда или место жилья, Леша скованно улыбнулся.

— Выдумщица. Я заходил в хижину, там через пару суток кверху лапы протянешь. Деревенская, что ли?

— Угу, — бесцветно откликнулась она.

— Ладно, секретничай сколько влезет, я не настаиваю. Имя хоть назовешь или это тоже тайна?

— Малина, — хрипло сказала девчонка.

Малина? Интересно, кому из родителей она каждый день сквозь зубы говорит «спасибо» за свое имя?

Он с трудом сдержал усмешку, рвущуюся наружу, и всё равно не смог пройти мимо без подколки. Уж очень чудная эта деревенская, как бы ее ни звали и где бы она ни жила.

— А папа с мамой — Боярышник и Рябина, да?

— Почему? — глухо отозвалась Малина. Леша только рукой махнул. Малина, так Малина, черт с ней. Он резюмировал про себя, что новая знакомая выросла и воспитывалась в здешних краях, учеба ее идет со скрипом, и имя она ляпнула с бухты-барахты, чтобы разбавить бестолковую беседу какой-никакой загадкой.

На самом деле, уже было все равно.

Ветер разносил звуки лагеря над лесом и жадно съедал финальные залпы соревнования, и сумерки плотно укутывали стволы и мертвую хижину в свой непроницаемый кокон. Он обернулся на худой просвет, откуда прибыл на поляну пару часов назад и подумал, что если задержится здесь больше десяти минут — об ужине и теплой постели можно забыть.

Взгляд снова сосредоточился на Малине.

— Хочешь, я завтра приду, поболтаем? Мне просто бежать надо, а то башню открутят.

— Свидимся не раз, Алексей, — благосклонно кивнула Малина.

— Вообще-то, я просто Леша, — ошарашенно пробормотал парень, лихорадочно припоминая, в какой момент успел представиться. На рассуждения не осталось времени. Небесный дирижер дал команду — и вот десятки, сотни елей и сосен грянули ветвями, унося прощальные недомолвки в гремучий водоворот. Лес отчаянно гнал путника из своей колыбели. Не мешкая ни секунды, Леша ринулся в чащу и через бурелом понесся к лагерю.

В столовой нарастала шумиха. Когда Леша шмыгнул за зеленый стол, стилизованный под мрамор, старшие отряды уже пробились к раздаче за жареными крылышками и гречкой. За спинами старших нетерпеливо толкались дети в одинаковых мешковатых футболках с фирменной эмблемой. На лопатках жирной, слитной цепью была отпечатана надпись Amaltea.

Такие футболки выдавали всем. От первого отряда до пятого. Еще вчера вечером Леша получил свежую, прямиком из прачечной, кристально-белоснежную, а сейчас обтирал потный лоб мятой, замызганной тряпкой.

Пока он приводил себя в более или менее достойный вид, к столу подошла воинственно настроенная брюнетка с каре,

подвязанным красной лентой. Громыхая тракторными подошвами о столовскую плитку, она со скрипом оттянула железный табурет и бухнула подносом, на котором грелась кола и слабо дымились крылышки.

— Доволен? — спросила она ледяным тоном. Да уж, попал. Теперь точно не миновать разбора полетов. Леша увернулся от испытующего взгляда брюнетки, бездумно повозил вилкой по мраморным кляксам. Настроение, подпорченное неразговорчивой Малиной, рухнуло ниже всех зафиксированных отметок термометра. Он задумчиво потыкал зубцами о тарелку и хмуро уставился на гигантские дубовые двери. Оттуда рикошетом отскакивали снаряды грохота. Вилки, ложки и стаканы подпрыгивали на всех двадцати столах, растянутых в два параллельных ряда от входа до веревки на золотистых колышках, вровень со столами раздачи. Дальше ходить запрещено — там кухня, каморки поваров и еще куча всего, что мало заботило Лешу. Куда важнее собрать крохи самообладания к моменту, когда оставшиеся четверо соберутся за ужином.

Он заранее настроился на скандал. Интересно, ждать ли сегодня изысканных ругательств или все пройдет по стандартной схеме? Козел, урод, опять из-за тебя проиграли соревнование...

Ладно, не впервой.

Неделю назад, например, воспитатель отряда, Наталья Петровна по прозвищу «Грымза» устроила незабываемую

выволочку и пригрозила отчислением, если он еще раз «выкинет коленца». Позавчера курил на крыльце, но слава богу, попал под прицел молоденькой вожатой. Она тоже вышла покурить после отбоя, а потому любовно сочлись на бартере. Яна Борисовна не исключает за нарушение Устава, а он, в свою очередь, молчит об ее ма-а-аленьком, но очень компрометирующем пороке, способном подмочить репутацию вожатой в кругу обожающих ее десятилеток. Ирония судьбы заключалась в том, что накануне бессовестно слитого им соревнования Яну Борисовну назначили социальным педагогом и, по совместительству, вожатой первого отряда.

Леша тарашился на дубовые двери, пока не увидел знакомое лицо.

— Матвей, — крикнул он, зазывая к столику. Обмахиваясь бейсболкой «Локомотив», Матвей вытер маслянистый лоб рукавом и пригладил русые барашки, торчащие над солнечными очками, как рожки.

— Ну и жарница, — сказал он, возвратившись с подносом. Тарелка, доверху забитая блестящими от жира крылышками, и гора гречки с тающим куском масла на другой. Матвей плюхнулся на стул, радушно протянул Леше мясистую, смуглую ладонь. — Привет еще раз. И тебе привет, Жанка, — сказал он брюнетке. Та упрямо молчала. Посчитав тишину достаточно емким приветствием, Матвей вцепился зубами в сочащуюся жиром шкурку. — Ну че, продули?

— Скажи спасибо Леше, — Жанна скривила тонкие губы

в ухмылке.

— Да отвали от меня, истеричка, — простонал Леша. — Ну продули, не велика потеря, я бы все равно слажал.

— Вообще-то... — начала Жанна с претензией, однако закончить не успела. К столику подтянулись двое, с такими же подносами. Низенькая девчонка с каштановыми кучеряшками и раскосыми болотными глазами держала две колы и искала свободный стул. Рядом с ней маячил Лешин сосед по комнате, Антон. Вот кого Леша невзлюбил с первого взгляда. Еще в день заселения Леша смотрел на Антона как на пришельца с Альфа-Центавра. Мало того, что Антон боготворил выпендренные рубашки с запонками, так еще сооружал девчачьи прически. В пшеничной, до пояса шевелюре, частенько змеились косички, тонкие, как крысиные хвосты. Антон вплетал в них разноцветные ленты, под стать настроению, что вызывало у Леши зудящее желание обкорнать соседа, пока тот спит.

— Вечер добрый, какие известия? — спросил Антон бархатистым голосом после того, как пожал руку Матвею.

— Фиговые, если ты не заметил, — Жанна вонзила вилку в обглоданную курицу. — Так позорно слить игру, это ж надо постараться! Я неделю бредила призом. Не-де-лю! Шмотки в каталогах отметила!

— Ой, позвонишь отцу, и он сам подвезет тебе сюда московский бутик-шмутик, — закатил глаза Леша.

— Повторяю для тупых. — Жанна сжала рукоятку вил-

ки так сильно, что кулак побагровел. — Наталья Петровна обещала экскурсию в Москву для победителей. Я составила список покупок, потому что шанс затариться шмотками выпадет только на зимних каникулах. А нам, если вы не забыли, тусоваться в этой заднице до мая. Курьеров охрана не пропускает, я сто раз пыталась! А ближайший магазин — это вонючее сельпо в соседней деревне, но и туда не вырваться, потому что всюду натыкана охрана и стоят дурацкие камеры. И, между прочим, Матвею нужны сигареты. А Настя забыла зарядное от ноутбука дома. — Жанна кивнула на кудрявую с колой. — И вообще, у Олеси скоро день рождения, и мы с Настей собирались купить ей какой-нибудь подарок!

— Подари мне мантию-невидимку, — раздался блеклый голос над ухом. Наступила мертвая тишина. Все разом обернулись к источнику звука.

— Ой, Олеся, — хихикнула Жанна. — А мы тут это Ну, короче, проигрыш обсуждаем.

Леша выдвинул последний табурет и втиснул его между собой и Матвеем.

— Садись.

Он вскользь пробежался по ее бледному лицу с редкими рябыми веснушками, зацепился взглядом за развилку морщинок между непослушными бровями. С удовольствием отметил, что Олеся посвежела и вроде бы пребывает в хорошем расположении духа, что на его памяти случалось реже, чем день рождения. Расправил плечи, когда Олеся присела

рядом и почувствовал, как пульс бешено тарахтит в ушах, и волнение складывает оригами из его кишок.

— Что, получил по шее? — спросила Олеся, перебросив густой смоляной хвост на оголенное плечо. Леша невесело фыркнул.

— Нет. Ты успела к началу. Занимайте места в зрительном зале согласно купленным билетам.

— Держись, — подбодрила она сожаляющим смешком.

Настя передала ей стакан, облепленный тающими каплями. Олеся сделала малюсенький глоток и резко обрела осуждающий тон.

— Ну, и где ты шатался?

— Господи! Я ожидал допроса с пристрастием от кого угодно, кроме тебя. Далась вам эта Москва!

— Слушай, умник! — взвилась Жанна. — Хватит заговаривать нам зубы. Просто признайся, что отомстил мне за того парня, которого я пригласила вчера на медляк.

— Мир не крутится вокруг тебя, — сказал Леша. Он вздохнул с безысходностью, которую способен понять разве что смертник на электрическом стуле.

— Ладно, я реально слинял и подставил нашу команду. И это не из-за того парня на дискотеке, плевал я на него. Мне просто надоело носиться по стадиону, ковыряться в каких-то дух и искать сокровища из Фикс Прайса. Это Это, блин, детский сад какой-то. Я хочу прослоняться все лето, а потом приклеиться задницей к стулу, закончить одиннадца-

тый класс и свалить куда подальше.

— Вот урод эгоистичный! — фыркнула Жанна. — И за чем я только встречаюсь с тобой?

— Хороший вопрос, уже год задаюсь им.

Жанна насупилась и отвесила ему подзатыльник.

— Что было после того, как ты сбежал? — робко спросила Настя, отнимая влажный стакан ото рта. Леша посмотрел на будущую одноклассницу, и увидел, как Антон нежно поглаживает Настину руку.

— Зброшенный дом, — выпалил Леша без обиняков. Засыпающий Матвей встрепенулся.

— Хорош гнать, я три дня ползал по лесу после отбоя, нет там никаких домов.

— Ага, ползал он. Туда-сюда крутанулся, впотьмах кажется, что километр прошел. Это далеко, вверх по склону, — Леша махнул в сторону окна, за которым закат жадно наваливался на зеркальные корпуса и всасывал верхние этажи кровавым ртом. — Минут сорок через коряги, там в глубине поляна — ее не видно за кронами.

— Прикольно...

— Дальше — круче. Там зеркало такое — он не смог подобрать нужного прилагательного, чтобы описать ощущения после знакомства со стариком в отражении и выручился тем, на что хватило словарного запаса. — стрёмное. Я покажу вам, но советую не засматриваться, а то крыша слетит с катушек.

— Что за зеркало? — настороженно спросила Олеся.

— Древнее, в бронзовой раме с завитушками. А стекло в каких-то трещинах и царапинах, как будто на него наложили ретро-фильтр. Понимаете, о чем я?

Олеся медленно кивнула.

— И что ты сделал?

— Уж явно не попер находку в лагерь! Оно здоровое, как лошадь, да и охота морочиться. Завтра экипируемся, сгоняем и пошарим. А еще я там девчонку встретил

Явно прослушав последнее предложение, Жанна сплюнула сквозь зубы:

— Ганс Христиан Андерсен, блин! Ты всерьез думаешь, что мы поверим страшилкам?

— По-моему, звучит правдоподобно, — скромно ввернула Настя. Леша шаловливо подмигнул ей, и Настины уши загорелись, как факелы.

— А, по-моему, вы здесь все сговорились, потому что ненавидите меня! — вскочила на ноги Жанна. — Я из кожи лезу, чтобы хоть раз погулять за периметром, а они, оказывается, шастают туда без зазрения совести.

— Ну так и ты сходи, — хмыкнул Леша. Матвей оглядел зал на предмет лишних ушей и с возбужденным ликованием прошептал:

— Ты тоже нашел лаз в сетке за библиотекой?

— Ага. Я даже усовершенствовал его. Правда, для этого пришлось вломиться к завхозу и одолжить плоскогубцы. Чи-

ки-брики, добро пожаловать отсюда.

Раскрасневшаяся Жанна нависла над столом, как горгулья. За пять лет, проведенных за одной партой там, в Екатеринбурге, Леша ни разу не видел Жанну такой взвинченной и категоричной.

— А я схожу, — угрожающе проскрежетала она. — И если эти истории — плод твоей больной фантазии, то заруби себе на носу — мы расстаемся.

— Ага, валяй. Не забудь походный рюкзак, пару кило тушенки и пакетик с хлебной крошкой, потому что заблудиться в этих дебрях, как два пальца об асфальт.

— Мы с Настей ходим. Следующим утром, сразу после завтрака, — сказала Жанна голосом, не терпящим возражений. Настя смущенно пожевала губы и прижала пустой стакан к груди.

— Может, все вместе сгоняем? Так как-то надежнее.

Терпение истончалось. Закипая, как чайник на медленном огне, Леша показал Жанне неприличный жест и гаркнул хриплым, вдруг прорезавшимся басом. От неожиданности какой-то незнакомый мальчуган в кепке подлетел, словно на катапульте, но Леше было не до напуганных мальчишек.

— Да валите вы куда-то хотите! Кстати, наткнетесь на свихнувшуюся бомжиху — передайте ей пламенный привет от меня.

— Придурок, — напоследок выпалила Жанна, одновременно хватая солнечные очки, ключи от спальни и телефон.

С сумкой наготове и неприкрытым сомнением, Настя наблюдала за развернувшейся катавасией. Еще в начале спора Леша подметил, как тяжело ей дается собственное мнение, и что в отличие от безразличного Антона, она боится сесть в калошу с нелепыми комментариями, однако был в ее страхе очевидный плюс. Такая не полезет на амбразуру в одиночку. Потопает за большинством, как миленькая, а большинство — с восторгом победителя отметил он — болеет за него.

К несчастью, восторг продолжался недолго.

Сделав необъяснимый, понятный ей одной выбор, Настя увязалась за Жанной, и пару минут в столовой висела тупая, тяжелая, как жернов тишина, перебиваемая колоколами чаевничания и лязгом столовых приборов. Леша выхватил у Олеси колу, осушил до дна и решительно ударил стаканом о поднос.

— Пускай прутся. Мы сами не промах. Вы-то мне верите?

— Я Швейцария, — равнодушно отозвался Антон.

— А я верю, — с жаром ввернул Матвей. — Нельзя опровергать то, чего не видел собственными глазами.

— Ты атеист, — услужливо напомнила Олеся.

— При чем здесь религия? Такие лачуги не редкость, и нечего все списывать на промысел высших сил и другую божественную чушь.

— Очень тактично, — едко улыбнулась Олеся, подергав золотой крестик в ложбинке шеи. Матвей поднял руки, словно его поймали с поличным на месте преступления.

— Окей. Назначьте время и место, чтобы я нашел вратаря на замену.

— Завтра, — сказал Леша, сально ухмыляясь. — Сразу после обеда, на крыльце.

Он посчитал нужным не церемониться с прощаниями. Потрепал Олесю по макушке, махнул Матвею, мол, пора отчаливать и отправился вверх по бетонной лестнице. На третий этаж, в одну из мальчуковых спален.

Их комната, как, впрочем, и все в лагере, начиналась с тесного коридора, который ребята прозвали «предбанником». Вдоль стены, по правой стороне от входа, на деревянной этажерке в три яруса пылилась обувь, от пробковых сланцев, в каких обычно ходят на пляж или в бассейн, до резиновых сапог — их Леша захватил на случай подлых происков осени, ведь как гласит закон Мерфи: если дождь может пойти, он пойдет.

Не разменивая силы на порядок, Леша стянул кроссовки пятками, бросил грязные носки поверх чьих-то ботинок и вставил ключ во вторую дверь. За ней открывалась спальня.

Это была довольно просторная комната, с небесно-голубыми обоями и лепниной вдоль плинтусов. Под потолком распустился ультрамариновый абажур, похожий на увеличенный в стократ гиацинт. Из распахнутого окна, через москитную сетку, просачивались теплые струйки ветра. На лампе покачивался ловец снов, и его павлиньи перья водили беспорядочный хоровод. Несколько минут Леша слушал, как

переливаются серебристые колбы. Затем придержал колокольчики и закрыл окно, оставив узкую щель для проветривания.

Все-таки хорошо, что Антон и Матвей задержались в столовой.

Присутствие Матвея обычно не портило Леше жизнь. Он привык, что Матвей пинает мяч на дневном футболе, а потом врывается в спальню и прямо в ботсах заваливается на кровать. Дрыхнет с часок, до ужина валяется с анатомическим атласом и умной физиономией. Как будто соображает, что к чему, в самом деле.

Леша фыркнул, лениво стянул футболку и бросил ее в корзину для грязного белья.

Фух, ну и парилка. Градусник за рамой показал + 31. Леша пошел в санузел, наклонился над ванной, обдал волосы ледяным душем. Колючая, как шип, струя разбилась о позвонки, побежала по спине и ужом спустилась за пояс. Леша растер кожу до багровых полос, кинул мятое полотенце в раковину и вернулся в комнату.

Здесь давно установился особый, уникальный климат. Пространство делилось на четкие участки, ограниченные условным барьером — общим столом и краями навесных полок. Сторону Антона, смежную с санузлом, он называл зоной отчуждения. Значительную часть занимал лакированный гардероб из белого дерева, и кровать с подушкой корабликом. Изголовье и подушка прятались под балдахин

тени, очерченной шириной шкафа. Солнечную половину с идеально расправленным бельем бережно укутал голубой плед. Такие выдавали всем вместе с футболками, спортивными костюмами, наволочками и еще кучей тряпок. Но в отличие от соседского, Лешин плед калачиком ютился на подоконнике, среди горшков с чахлой геранью.

Леша потоптался в запретной зоне, разлегся на кровати Антона и с дьявольским удовлетворением закинул босые ступни на подушку.

Тоже мне, Швейцария. Посмотрим, как ты запоешь завтра.

Он внезапно вспомнил, что так и не рассказал про чудную бродяжку, но подниматься и тащиться назад было так лень. Хорошо бы Жанна и Настя наладили контакт с дикаркой. Память детально прорисовала каре с красной лентой, оливковую от природы кожу с непременным слоем тонального крема и оранжевыми румянами на острых скулах и вечный отпечаток беспечности, паразитирующей на лице Жанны так явно, что вряд ли бы кому пришло на ум просить ее о чем-то серьезном.

«Нам определенно пора расстаться», — сказал внутренний голос. Затем Леша представил, какая буча поднимется, испытал отвращение, сравнимое разве что с падением в выгребную яму. Приказал мозгу заткнуться, но все равно трепал себе нервы навязчивыми мыслями о расставании и переполненный безысходностью, думал, как продержаться на

этой каторге до выпускного.

Он лежал, подобрав ноги, в полудреме закатывал глаза, то просыпаясь, то проваливаясь в сонную кому. Тепло пледа обволакивало пушистым коконом. Казалось, что он бредет по вязкому облаку, и вокруг полощется безбрежная лагуна, и тело вдруг стало совсем крошечным, не больше букашки. Леша посмотрел на эту букашку через мутную, плохо настроенную линзу микроскопа и улыбнулся по-детски беззаботно, как малыш с сахарной ватой.

Малина ждет меня... Влюбилась, что ли? Жанна с ума сойдет, если узнает. Скорей бы она узнала.

Глава 2

ЗА ВОРОТАМИ

Уже на следующее утро Жанна в здравом уме и твердой памяти плелась по лесной тропинке. Каблуки застревали в вязком песке, размытом утренним ливнем, отчего сорок минут до хижины (по заверениям Леша он шел именно столько) грозили растянуться на пару часов. Жанна проклинала непогоду на чем стоит свет и постоянно просила «чуть-чуть отдохнуть». Каждая такая просьба сопровождалась глубоким Настиным вздохом.

— Мрак! Не мог дождь зарядить в обед! — возмущалась Жанна, пряча лицо под козырьком из ладони. Это едва ли спасало от косо летящего ливня. Ни дождевика, ни зонта она не взяла. Как, впрочем, и Настя. Обе беспечно понадеялись, что дождик грибной и скоро пройдет. Зато Настя прихватила походный рюкзак. Кое-какие вещи достались с огромным трудом. Она не умела, как Леша, вторгаться в чужое пространство и брать там без спроса. Да и сторож прицепился с расспросами: что за поход, почему его никто не уведомил. Побурчав с пять минут, он наконец сжалился и выдал фонарик и спички из личных запасов, взяв честное слово, что фонарик Настя вернет. Сложно сказать, зачем и кому пригодится фонарик в десять утра, но мало ли что приключится в заброшенном доме? Тем более, из-за вчерашней ссоры

Жанна так и не выяснила, в каком направлении хижина.

— Итальянские туфли! — простонала Жанна, задирая каблук. Подчиняясь какой-то собственной схеме, она ступала то в траву, то снова в размытый песок, но тут же хваталась за лапы елей у края дороги и балансировала на скользких корнях, как эквилибрист на арене.

Настя молчала.

— Вот если докажу Леше, что хижина — его глюк, он подарит мне новые туфли!

— Дождю очень интересно, сколько стоила твоя обувь.

— Ничего ты не понимаешь. — Жанна опять пошатнулась. — Первое правило женщины — надевай лучшее, даже когда выносишь помойку. Как по закону подлости именно в этот момент проедет мужчина мечты на Порше...

— Ага, и подбросит до мусорки.

Настю мода никогда не заботила. Мама всегда говорила: нужно смотреть сквозь обертку. Настя смотрела на Жанну и видела маленькую девочку, у которой забрали любимого мишку с оторванным ухом и глазками-пуговками. Девочка плакала, топала и просила вернуть игрушку. Ей подносили другие — розовых зайцев с атласными бантами и плюшевых медведей в цветастых пижамах. Чем больше игрушек давали малышке — тем сильнее она заливалась слезами. А когда любимого мишку вернули, девочка не узнала старого друга и по привычке расплакалась.

— Я фигурально выразилась, — с умным видом ответи-

ла Жанна, не представляя, что творится в голове у подружки. — Не понимаю, как девушки добровольно выбирают парней, который скуются даже на такую мелочь, как туфли!

Настя пожала плечами.

— Может, эти девушки понимают, что без туфель выжить возможно, а вот без вещей первой необходимости — вряд ли?

— Вот именно! Выжить! Рядом с безнадежным неудачником, который вечно бухтит и ноет, что начальник опять заплатил три копейки. Хотя сам давно мог бы стать начальником! Надо просто оторвать свой ленивый зад от дивана. Хотя, знаешь, мне вообще их не жалко. Ни этих нытиков с дыркой в кармане, ни их сердобольных девушек. Каждый получает в итоге то, что заслуживает.

Настя удивленно вздернула брови и тут же утешила себя, что, наверное, ослышалась. Громкая дробь дождя изрешетила почти половину слов. Она повернулась переспросить, но по безразличному лицу Жанны всё стало понятно.

— Как-то это несправедливо... Относиться к человеку, как к неудачнику, не зная при этом всех обстоятельств. Да и как он раскроется и поверит в себя, если люди заранее ставят на нем клеймо неудачника?

— По-настоящему сильным людям не нужна чья-то вера и вдохновение. Посмотри на меня! Я поставила цель — записать популярную песню. И сделала это. Мне всего лишь семнадцать, а я уже на коне. Как думаешь, ради чего? Чтобы

мама и папа гордились? Ха-ха!

Вопрос явно был риторический, но Насте хотелось ответить. Во-первых, впервые со дня заезда она вдруг узнала, что Жанна поет. А во-вторых, каким бы всемогущим и крепким ни был наш дух — опора всегда пригодится. По крайней мере, именно так говорило чутье. Она вспомнила, как в первые дни, когда все в отряде знакомились, Жанна говорила про старую школу, дом и родителей. Ее мама и папа держали элитный отель для питомцев. Исключительно для звездных клиентов. И эта деталь, по мнению Насти, говорила о характере родителей Жанны куда больше, чем что бы то ни было. Зато эти люди максимально вложились в дочь, и речь не о деньгах. Вернее, не только о деньгах.

— Вот представь, что Антон — безнадежный лузер. — Каблук заскользил на мокрой траве, и Настя мгновенно схватила Жанну за локоть, но та лишь отдернула руку и сквозь зубы процедила: — Не надо! Сама со всем справлюсь.

— Хорошо. Сама так сама.

— Так что, ты бы стала встречаться с таким?

— Смотря, кто для тебя безнадежный лузер?

— Ну... Затюканный нытик. Ботаник. С деньгами туго...

— Но ведь не Антон, а его отец поверил в успех и бросил все силы, чтобы построить наш лагерь.

— То есть, единственная заслуга Антона — это отец-нефтяной магнат?

— Богатство отца — вообще не заслуга Антона, — поко-

робил Настю вопрос.

— Ну да-ну да. Тогда за какие заслуги ты любишь его?

Этот вопрос совсем уж сбил с толку. Бабочки в животе и мурашки на коже — то, что в романах преподносят, как высшую степень любви — до недавнего времени казались выдумкой. Только в лагере Настя поняла, что впервые в жизни влюбилась. Эта влюбленность была как стихия и рушила всё, к чему прикасалась. Но хуже всего, что она рушила дружбу с Жанной. К счастью, никто ничего не заметил. А если заметил — спасибо ему за молчание. Как бы там ни было, она не могла ответить, как у доски на уроке. Как можно любить человека за что-то? Разве так проявляется искренность?

А с тем, в кого Настя, сама не заметив, влюбилась, она ощущала себя какой-то другой. Живой. Настоящей. Счастливой. Считается ли это заслугой? Возможно. Но чьей?

— Я не уверена, что люблю Антона, — помедлила Настя. — То есть, он классный, не спорю. Очень галантный, умный, начитанный. А еще он обожает сестру. Я тоже люблю сестру, но иногда она просто выводит. Я говорила, что у Светы характер дурацкий? (Жанна кивнула). Так вот, когда Света отпускает идиотские шуточки, а я от злости бросаю трубку, Антон говорит, что глупо обижаться на близких. И вообще, надо любить и ценить их, пока они еще живы и есть возможность сказать им об этом.

— А что у Антона? Кто-то погиб?

— Нет, насколько я знаю. Просто сестра воспитала его.

Считай, что с первого класса. Потом отец отправил Антона сюда, а сестра куда-то уехала. Вроде в Германию к родственникам. Или во Францию. Дело не в этом. Антон ужасно скучает. Как будто она улетела на Марс, и жизнь без нее прекратилась.

— Бедняжка, — с фальшивым сочувствием бросила Жанна. — А я вот в детстве просто мечтала, что моя семья вдруг — раз, — и исчезла. И я осталась одна в здоровенном доме. Как Кевин из фильма. Выхожу такая с утра, а везде горы чипсов... И кола. Эх, на санках покатаюсь бы с лестницы. Ну, дальше ты знаешь. Ты когда-нибудь представляла себя в роли Кевина?

Настя ничего не ответила, только встряхнула рюкзак на плече. Представляла ли она себя в роли Кевина? Что за вопросы?

Она покрутилась, делая вид, что высматривает, куда идти дальше. На самом деле, дорога была здесь одна. Раньше путь пролегал по широкой песчаной тропе, огороженной забором из елей. Но сейчас у дорожки примостились кустарники. Черника налилась манящей спелостью, а между ней, словно рубины, разбросалась крупная красная ягода. Почти как малина, но ярче и меньше.

Тропинка появилась будто из ниоткуда, и лес стал каким-то другим. Светлым и солнечным, пестрым. Где ели, где сосны, осины, дубы, рябины, орешники, клены.

Ливень внезапно затих. Бледное небо качалось от трепета

крон, и облака тянулись рваной цепочкой, которую насквозь пробивали лучи блеклого солнца.

Настя повернулась назад, чтобы найти границу, за которой кончалась хвоя, но границы такой не нашла.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила она, приподнявшись на цыпочках. Казалось, таинственный лес тянулся от самого лагеря.

— Умоляю, не говори мне, что мы заблудились!

— Здесь невозможно сбиться с пути! Мы никуда не сворачивали и развилок тут нет.

— Тогда в чем проблема?

— Понимаешь, я доходила до половины пути, но потом разворачивалась, потому что дальше сплошной бурелом. Ну и страшновато соваться туда без компании. Я думала, может Лёша нашёл обходную дорогу...

— Так вот, — Жанна указала рукой на тропинку, которая провожала в загадочный лес.

— Всё равно это странно. Лёша говорил, что надо подняться на холм.

— Ой, ну мало ли, что он говорил! Он всегда городит чушь, чтобы меня разозлить. Не удивлюсь, если напел с три короба, чтобы мы заблудились. Спорим, сидит сейчас в столовой и смеётся над нами. Пошли! Хижина, наверное, там, впереди.

Указав рукой прямо, вглубь сужающейся тропы, куда еле вмещались двое, Настя сделала два осторожных шага. Жанна

направились следом.

— И всё-таки странные у вас отношения, — бросила Настя вдогонку.

— Странные-нестранные, много ты знаешь. Да, он придурак. Но перспективный. Во-первых, богатый. Во-вторых, неплохо ладит с моими родителями, а у них по жизни завышенные требования к людям. А в-третьих, он пробивной. Это пригодится для будущей карьеры. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— А любовь или хотя бы намек на теплые чувства?

— Какая любовь! — Жанна махнула рукой. — Даже ученые говорят, что браки по расчету считаются самыми крепкими.

— Как-то это неправильно, — повторила Настя.

— Чувства только мешают. Скажем, он идеальный, но пялится на чужие задницы. И у вас скандалы каждый вечер. А потом развод.

— Я не знаю, что творится у вас дома...

— У меня дома все прекрасно, — огрызнулась Жанна.

— Извини. Я к тому, что жить с кем-то просто потому, что так надо, — кошмар. Если мне попадется такой парень — лучше сразу повешусь.

— Даже если он единственный на миллиард? — с ухмылкой повторила Жанна.

— Даже если единственный на миллиард.

Как обычно случалось, когда ворошили семейный альбом,

Настя уходила, но идти было явно некуда. Поэтому вокруг воцарилось молчание.

Знала бы Жанна, какие бывают семьи...

С самого детства, глядя на друзей, Настя понимала, что её семья — исключение. Но как хотелось, чтобы оно оказалось приятным. Папа работал. Мама работала. Много. Оба говорили «на будущее».

Как обычно бывает, гром грянул среди ясного неба — родители развелись. Не сказать, что трещина сильно задела Настю и Свету. Они привыкли мотаться по няням и бабушкам.

Перемены явились после вердикта судьи: оставить детей с отцом. Что-то с деньгами у мамы неладно, сказала однажды сестра. Ничего, на работе пойдёт, переедем... Но мама решила отдать предпочтение личному счастью и улетела в Испанию.

— Тебе хорошо, ты маленькая, — говорила Света. Ей тогда исполнилось семь. — Придёт на границе тётка билеты проверять, а ты — прыг — и заскочишь в багажник. И так, пока не доедешь.

— Дядя-судья будет маму искать, — возражала пятилетняя Настя. — Не хочу, чтобы маму ругали. Не хочу, чтобы она сидела в тюрьме.

Календарь сменял цифры. Мама присылала фотографии с моря. Обещала, что скоро приедет. Что всё станет как прежде. Прошёл год. Потом десять. Она говорила: потерпи, подожди. Хотя бы до выпускного Светы. Света окончи-

ла школу. Отец в это время подписывал контракт в Пекине, и выпускной прошёл без него. А мама, поздравив, сказала, что Свете лучше побыть у подруги в Лондоне. Попробовать поступить в колледж. Это казалось забавным — сестра всегда приносила двойки по английскому, о чем мама прекрасно знала. Тогда уже Света стала копировать маму — уговаривать чуть-чуть подождать. За десять лет копилка пополнилась суммой, которой хватало хотя бы снять квартиру подальше от дома, а в лучшем случае — уехать в другую страну.

Настя и Света ещё выбирали между возможностями, но тут в конце мая зазвонил телефон. Настя услышала взволнованный голос мамы:

— Доча, я нашла прекрасную школу! Немного дороговато, но я взяла займы, и отец подсобил. Полгода оплатим. Возьми побольше зимних вещей, чтобы не ездить туда-сюда. Да и вряд ли тебя отпустят одну.

— Боже, куда ты меня отправляешь?

— Всё в порядке, недалеко от Зарайска, — ответила мама, не уточняя, где Зарайск и как туда добираться. Автобусом можно?

— А Света? Я без неё не поеду, — только и смогла выдавить Настя.

— Света отправится в Лондон, мы с папой всё обсудили.

— Представляю, какой скандал он устроил, когда ты попросила деньги...

Из трубки тогда донёсся смущённый кашель. Отец, несмотря на практичность и скупость, иногда был приятным. Мужчина в строгом костюме — даже дома при галстукe — вызывал у людей что-то среднее между лестью и завистью. Особенно у учителей, коллег и судей. В глубине души он, наверное, любил дочерей. Но по-своему. Даже Настя порой проникалась сочувствием к его нелёгкой доле. Не каждому дано воспитать детей. Особенно если терпеть их не можешь. Но в чём она была точно уверена — так это в том, что некоторым людям лучше подумать сто раз, прежде чем заводить ребёнка.

— Не знаю. Может быть, ты и права, — ответила Настя запоздало и то потому, что Жанна могла обидеться. — Напиши-ка лучше умную книгу. Уроки житейской философии от Ширяевой Жанны. Не уверена, что прочту, но автограф компенсирует все расходы.

— Зря. Вот увидишь, издамсья — на цитаты растащат, — укорила Жанна и тут же покрутилась по сторонам. — Ой, а куда мы пришли?

Узенькая тропинка сама собой растворилась и слилась с изумрудной травой. Впереди простиралась поляна с примятой осокой и виляющей тропкой как раз посередине. Тропинка привела прямоком к какой-то деревне.

Обзор вполовину закрывали ворота. Чуть накрененные, но всё же добротные, явно смастеренные местными. В глаза сразу бросилась тусклая надпись «Зеленая Поляна». Буквы

дрожали, валились то влево, то вправо, сползали всё ниже и ниже, а потом летели наверх. Похоже, писал ребенок.

За тянущимся вдаль забором с кривыми зубцами торчали похожие домишки. В каждом бурлила жизнь: женщины перекликались невнятными фразами, пьяные мужики голосили взахлеб, где-то вдали заливалась собака, квохтали куры и плакал младенец. Почти в каждом избе топили печь. Казалось, деревня сплошь состоит из жара и дыма, горохового супа, спирта, навоза и свежего хлеба. Запах напал, как дурман и Насте пришлось хлопнуть себя по щеке, чтобы выйти из морока.

Жанна смотрела на жизнь за забором.

— Ого, я не знала, что тут есть деревня!

— Я тоже, — растерянно ответила Настя.

Этот медвежий угол кончался на карте зеленым пятном без названия. То ли лес, то ли поле, то ли бесхозные земли. Про деревню — ни слова.

Казалось, в трех километрах нет огромного лагеря. От летнего лагеря там остались только беседки, футбольное поле и площадка с сеткой и кольцами. В остальном же лагерь напоминал бизнес-центр, который по странному стечению обстоятельств захватили подростки. Зеркальные корпуса, круглосуточный доступ к сети и спальни как номера приличных гостиниц.

Зеркальные исполины не радовали. Нет. Раздражали нелепым престижем и вызывали одно желание: взять булыж-

ник и запустить в окно.

Но здесь было совсем по-другому. В сердце вселилась огромная радость, почти эйфория. Настя смотрела на Жанну. Ветер трепал ее черные, чуть кучерявые волосы, а сама она, вытянув шею, стояла на цыпочках и пыталась заглянуть за забор.

Ворота со скрипом открылись. На поляну скользнула босая девчонка в черном платке и сарафане, подвязанном на талии поясом. В левой руке она тащила пустое ведро (и зачем ей в лесу ведро?), а в правой — грибную корзину, тоже пустую.

Не обращая внимания на Жанну и Настю, девчонка юркнула мимо, и черный платок тотчас затерялся в пестрой листве. В следующие десять минут за забор так никто и не вышел. Только какая-то девушка бродила неподалеку и сканировала Настины джинсы придиричивым взглядом. Как все местные женщины, которых получилось рассмотреть через щель в воротах, незнакомка носила платье до пят и разбитые лапти. На фоне измученных лиц с морщинами, ее лицо смотрелось особенно юным. Следуя обычаем, она натянула косынку, только редкие черные пряди выбивались из-под белого ситца и спускались на острые плечи.

Наконец, она подошла к воротам и толкнула створку плечом. Деревня открылась, как на ладони.

— Слушай, может у них какая-то секта? — задумалась Настя, глядя на то, как странная девушка бестолково плутает

от крыльца до сарая с приставленной к стенке оглоблей. — Ну, вроде амишей.

Жанна недоуменно пожала плечами.

— Смотри! — прошептала она, проведя указательным пальцем куда-то поверх плеча незнакомки. — Там корова! Ого! Обалдеть, какая огромная!

Тут же вдали, словно заслышав слова в свою честь, затрубила корова; другие ей вторили хором, отчего получилась вполне себе складная песня. Му-муууу-муууу... Кто его знает, о чем они пели, а хозяйка-крестьянка залихватски подначивала:

— Э-э-эх, затянули, и-и-и р-р-раааз!

— Муууу, — гудели коровы, как трубы.

Песня плыла над деревней, долетала до сруба с соломенной крышей, и тот сотрясался от хохота. Пфф — и взрыв хохота вылетел наружу седым столпом дыма. Пфф — снова взрыв, но из трубы нехотя выкатилась седая кудряшка. Изба вновь покачнулась, но не от смеха. На крыльцо гурьбой высыпали мужчины в смешных панталонах и кургуzych лаптях. Все, и старики, и молодые парни, носили длинные бороды и смолили сигарки. Так они топтались на крыльце и шумно прощались, а потом побрели кто куда. Один мужик с клочковатой бородкой плутал меж домов, забредал в чужие дома и жалобно вскрикивал. Всюду, куда привели его ноги, непременно ждал веник и толстая баба.

— Ууу, допилися, ироды, — кричала она, наподдав му-

жику под мягкое место.

Потирая ушибленный зад, он волочился к соседнему дому, но и там его ждали с метлой. Наконец, убежав от побоев, он доковылял до чьей-то избы и исчез за углом.

— Как думаешь, попал он домой? — засмеялась Настя, но Жанна снова пожала плечами. — Ты что, никогда не была в деревне?

Настя сама не видела быт деревень наяву. Телевизор она почти не смотрела, а если смотрела, то в детстве, на даче у бабушки. Из новостей про деревни почерпнула немного, зато хорошо запомнила, что люди там ходят в футболках и джинсах и живут в современных домах, непохожих на здешние избы.

Чего не сказать о горбатой старухе. Неся на плечах коромысло, старуха плелась с черепашьей скоростью, точно разглядывала каждую травинку под лупой. Подол коричневой юбки путался в лаптях поверх белых тряпок, похожих на бинт, отчего казалось, что обе ноги ее сломаны. Голову старуха тоже прикрыла тряпкой, подвязав на затылке узлом. Пристальный взгляд любопытной девчонки перебросился на старуху. И снова на джинсы, рюкзак и кроссовки.

— Смотри, а вот и ходячая энциклопедия, — Жанна смело подалась к старухе, но Настя схватила ее за рукав. Что-то тут было не так.

— Послушай, не думаешь, что бабка немного... того?

— Да нормальная! Она, наверное, Ленина младенцем за-

стала и расскажет сплетни про всю округу. Пошли, ну чего опять тянешь?!

— Посмотри на глаза.

Глаз с мутно-серым бельмом устремился вглубь леса. Другой закрывали сжатые веки, так плотно, будто за ними пустота. И если туда прикоснуться, палец войдёт прямо в череп. Она не боялась слепых, да и чего их бояться, такие же люди. Но перед этой старухой струхнула, не понимая, что именно вызвало страх. Коромысло? Лапти? Или то, что деревня застряла в девятнадцатом веке, хотя до столицы рукой подать?

Лицо старухи, сплошь в болезненных ямах и рытвинах, стало серьёзным и строгим. Словно почуяла что-то, она замерла на поляне, опустила вёдра и кивнула подбородком на тропинку справа.

Похоже, вдобавок, немая.

— Эй, можете нам помочь? — Жанна так и не поняла, что ей вряд ли расскажут про хижину. Да и вряд ли старуха увидела, кто задал вопрос.

— Так, тут определенно творится какая-то дикость. И эта... Чего она пялится? — Настя кивнула на молодую в косынке. — Может, она что-то знает?

Хотя, непохоже, девчонка по виду ровесница...

Настя уже сомневалась, что здесь проживают сектанты. Но Жанне идея с сектой показалась довольно логичной. Шагнув за ворота, она приблизилась к бабке, и, под пристальным взглядом девчонки в косынке, схватила старуху за

плечи.

— Стой, подожди! Прошу, не надо этого делать! — испуганно вскрикнула Настя.

Ее крик затерялся в мычанье коров.

Посмотрев в никуда единственным глазом, старуха вдруг разделилась на два жирных слизня. И этой бесформенной массой навалилась прямо на Жанну. А после — прошла сквозь неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.